

"По жи вьем"

Михаил Шемякин сорок лет живет за границей, но никогда не порывал с Россией.

Во время торжественного приема для участников международного военно-музыкального фестиваля "Спасская башня" в Большом Кремлевском дворце зазвучал марш "Прощание славянки" в исполнении оркестра Бельгийских проводников. Стоявший рядом со мной художник Михаил Шемякин невольно подтянулся, расправил плечи. "Это наша история", - тихо сказал он. "Наша доблесть и гордость", - подтвердил я. "И наша надежда", - добавил Шемякин.

Знаменитый художник был, как обычно, в сапогах, куртке полувоенного покроя и фуражке, которую он, кажется, не снимает никогда. Среди военных музыкантов такой дресс-код не выглядел странным, но вот вопрос: как этот живущий во Франции авангардист вообще оказался на столь специфическом мероприятии и в столь пафосном месте? И ведь уже не впервые: в прошлом году Шемякин тоже был замечен на трибунах и в кулуарах "Спасской башни".

С этого и началась наша беседа.

Почему встал в строй

- Два года назад я услышал о фестивале от своих московских друзей. Затем они меня познакомили с замечательным человеком, комендантом Кремля генералом Хлебниковым. Это его идея - проводить на Красной площади международный праздник военных оркестров. Мы договорились о сотрудничестве. Не знаю, как генерал, но я сразу проникся симпатией и к нему, и к его детищу. Было решено, что на Ломоносовском заводе по моим эскизам сделают фарфоровую статуэтку Щелкунчика, который одновременно является военным персонажем и принадлежит музыке, благодаря Гофману, Чайковскому и Валерию Гергиеву. Вот так все красиво переплелось. Эта статуэтка стала символом "Спасской башни". Получилось с юмором и не без вкуса.

- Но ведь вроде бы по своему формату и духу традиционная военная музыка очень далека от тех творческих идей, которые исповедует Михаил Шемякин...

- Совсем не далека. Я сын военного. Отец, полковник-кавалерист, герой Гражданской и Великой Отечественной. Еще с мальчишеских лет, будучи совсем "клопом", постоянно слышал военные оркестры. В полку, которым отец командовал в Германии, он организовал кружок самодеятельности для солдат, и я принимал в нем участие, танцевал "лезгинку", "кабардинку". Выскакивал на сцену в кавказской униформе и в ноговицах. Отец научил меня очень сложному и болезненному хождению на пальчиках. Сначала ноги, конечно, в кровь стираются, а потом привыкаешь и начинаешь подпрыгивать и приземляться на пальцы. Кожа в ноговицах не толще кожи в женских перчатках. Пляшешь словно босиком.

- То есть получается, что вы теперь входите в число организаторов фестиваля? Что он для вас означает?

- Для меня его ценность и смысл состоят в том, что это шаг к восстановлению утраченного генофонда. Самая большая трагедия России - систематическое истребление ее лучших людей, которое началось в 1917 году и продолжалось до недавнего времени.

Когда я делал иллюстрацию к песне Высоцкого "Купола", то взял два тома, выпущенных в Питере "расстрельных" списков. Два тома убористого текста, на каждой странице до тридцати фамилий. Каждая фамилия объединяет несколько семей. Интеллигенты, мастеровые, офицеры, торговцы... Это расстрельные списки. Когда ты видишь их, то понимаешь, как происходило истребление работающей, мыслящей России.

Военно-музыкальный фестиваль и другие подобные события, которые пробуждают патриотические струны в российской душе, это те зерна, которые должны дать очень важные всходы. Сегодня ведь считается дурным тоном говорить о патриотизме, слова "родина", "патриот" зачастую произносятся сквозь зубы, с усмешкой или

явной иронией. Но без восстановления генофонда России не существовать. Работа эта длительная и трудная, она включает приобщение не только к труду и честности, но и к хорошей музыке, и к высокой литературе.

Сегодня мы с вами видим на Красной площади полные трибуны. И какие лица у людей! Когда-то мы, мальчишки, вприпрыжку бежали за солдатами, которые шли в кирзовых сапогах и играли на медных трубах. Нас это завораживало. А сейчас мы с вами стояли в Кремле, слушали "Прощание славянки" и опять у всех мурашки по коже. Не побегут же мурашки, если услышите современные хиты.

- Как писал Булгаков, разруха не в клозетах, а в головах. Но, скажите, наблюдаете ли вы какие-то позитивные сдвиги в этом отношении?

- Раньше много десятилетий была совковая психология, а на сегодняшний день мы наблюдаем постсовковую. Мы видим постсоветское существо, которое несет в себе отголоски недавнего прошлого, в том числе и на генетическом уровне. У меня по этому поводу всегда возникает очень много вопросов, но я нахожу такой ответ: нужно снисходительно относиться к проявлениям тех нелепостей, которые здесь, в России, происходят на каждом шагу. Нельзя постсоветскому человеку предъявлять все те требования, что обычны в цивилизованном мире. Люди многие годы выростали в страхе. Страх до сих пор живет в каждом человеке.

Сочетание этого удивительного раболепия, холуйства и страха часто дает возможность продвигаться вверх абсолютно нелепым, даже гротескным фигурам. Но люди-то, в общем, очень не глупые... Каждый из нас несет ответственность за все плохое, что у нас есть, потому что мы все принадлежим этому обществу, принадлежим этой стране, которая наша родина, а ее, как и родню, не выбирают, ей служат.

- Скажите, Михаил, вы держите обиду на тех людей, которые в конце 1971 года выдворили вас из страны, сделали эмигрантом?

- Я по сегодняшний день благодарен полковнику КГБ Попову, который тогда занимался моей высылкой. Он мне сказал: "Ваши же коллеги, художники, не дадут вам здесь жить. Мы будем вынуждены посадить вас в сумасшедший дом или отправить в лагерь. Живым оттуда не выйти. Поэтому вам предлагается немедленно покинуть Россию". Видите, даже в КГБ были люди, которые понимали, что надо сохранять генофонд. Полковник, оказывается, вместе со своей дочкой собирал мои работы.

Этот вопрос - затаил ли я обиду на своих гонителей - мне впервые задали еще в 1989 году, когда я впервые после долгой разлуки приехал в Питер. Визу тогда дали ровно на 24 часа. Нет обиды. Во-первых, я христианин. Мой долг христианина - прощать обиды. Не скажу, чтобы я любил этих людей, но и ненависти к ним не испытываю. Мне скорее жалко тех, кто приносит зло, они сами себя наказывают.

- Кроме фестиваля "Спасская башня" есть и еще одна история, где мы с вами могли пересечься. Я много лет занимаюсь выяснением судьбы наших военнослужащих, пропавших в Афганистане. А вы помогали освобождать из плена советских солдат...

- С пленными получилось так. Сначала каким-то образом у меня оказались кассеты с песнями ребят-афганцев из групп спецназа "Кобальт", "Каскад". Потом я узнал из западной прессы, в каких нечеловеческих условиях содержатся русские солдаты в плену у моджахедов. Меня потрясло, что на Женевской конференции, когда решался вопрос о выводе войск, ни одного слова не было сказано о попавших в плен и пропавших без вести. Меня это просто взбесило. Буквально на следующий день я обзвонил всех видных американцев, которых знал, и мы создали комитет по спасению военнопленных, стали делать все, чтобы привлечь внимание к этой проблеме.

Меня это задело, как человека, я понял, что ребятам нужно помочь, что они преданы. Как я мог в той ситуации сидеть и писать картины? Поехал с Сарой - она еще не была тогда моей женой - в Пешавар, там перешли афганскую границу, вели переговоры с одним из самых одиозных командиров Гульбеддином Хекматияром.

- Но я хочу понять, отчего именно вы? В том же Нью-Йорке тогда жили многие яркие выходцы из Союза. Неизвестный, Довлатов, Лимонов...

- А вы внимательно посмотрите мою биографию. Я никогда не порывал с Россией. Это нормальное проявление меня самого, моей души, моего характера. Не вижу в этом ничего странного и тем более ничего героического.

По заказу Собчака я сделал памятник жертвам политических репрессий, он установлен на набережной Невы. И там привел фразу моего друга юности Володи Буковского. Она звучит так: "Горе той стране, где простой

человеческий поступок воспринимается, как героизм". А мы привыкли к тому, что если кто-то ведет себя нормально, по-человечески, уже говорят: "Какая смелость". А никакой смелости нет, просто человек остается человеком.

Владимир Высоцкий: память и памятник

- Я слышал, скоро в России выходит ваша книга о Высоцком. Все давно отметились в этом жанре - и друзья, и псевдодрузья Высоцкого. Каждый написал книгу, статью, дал интервью. И вот теперь вы. Почему именно сейчас? И не будет ли это повторением того, что уже написано?

- Во-первых, у нас с Володей была большая и очень серьезная дружба, прежде всего творческая. А во-вторых, я решил сделать ему как бы графический памятник. В книге будут расшифрованы многие вещи, которые, кроме нас двоих, не знал больше никто. Ведь Володя тогда многое конспирировал, использовал язык Эзопа.

И потом это не воспоминания. Это эпизоды нашей жизни. Как мы работали, допустим, над записями его пластинок, как у нас однажды из-за Марины Влади случился страшный запой.

Про нас иногда говорили: ну, мол, Высоцкий и Шемякин - два забулдыги. А на самом деле мы прежде всего уважали творчество друг друга и при этом глубоко сознавали, насколько каждый из нас болен. Я девять раз в Париже зашивался у одного и того же хирурга. Володя тоже. Другое дело, что, вернувшись домой, он выковыривал потом эти ампулы. У нас с ним было одно желание - вылечиться от алкогольной зависимости. Но когда на Володю навалилась еще и вторая болезнь, наркотики, мы поняли, что это все, конец, он не выкарабкается. И он сам это понимал. Незадолго до своего ухода, покидая Париж, зашел ко мне домой, меня самого не было, и написал прощальное стихотворение на подвернувшемся под руку бланке отеля "Лакойя":

*Мишка! Милый! Брат мой
Мишка!
Разрази нас гром!
Поживем еще, братишка,
По жи вьем!
Po gi viot.*

- То есть эта книга будет абсолютно непохожей на все другие? Как долго вы над ней работали?

- Над иллюстрациями - десять лет. Тексты, не разгибаясь, не отходя от стола, писал три месяца. Некоторые комментарии там очень большие, некоторые совсем короткие. Но к каждой строчке я относился очень серьезно. Судите сами: корректура составила около двух тысяч листов. Сара только и делала, что ходила вверх и вниз, печатала, вносила правку.

- Скажите, а насколько совпадает реальный образ Высоцкого с тем, что последние годы рассказывали о нем?

- Я как-то особенно не следил за тем, что рассказывали. Но некоторые книжки достаточно нелепы.

Высоцкий прежде всего это крупная творческая личность. Он умер в 42 года. При этом сумел создать много интересных образов в театре, кино, написал огромное количество сложнейших стихотворений. Пробовал себя в прозе. Его признал Бродский. Для Володи это имело большое значение, он три недели меня просто изводил: "Смотри, что мне Иосиф написал!". Он вернулся из Америки, где познакомился с Бродским, совершенно окрыленным. Прежде у него комплекс был, который ему навязали некоторые именитые поэты, в первую очередь, Женя Евтушенко. Помните у Володи: "Мои друзья, известные поэты, меня трепали нежно по плечу и доверительно шептали мне на ухо: "Не надо рифмовать "кричу-торчу".

С Вознесенским у него был такой случай. Володя, как и я, дружил с цыганами. Как-то пришли к нему в Москве на Грузинскую улицу актеры из театра "Ромэн", и он для них исполнил "Баньку по-черному" и "Баньку по-белому". Он мне потом рассказывал: "Вдруг, я смотрю, у многих цыган слезы из глаз текут". А в уголке комнаты сидел Андрей Вознесенский: такой весь из себя стильный, с белым шарфом. "Я чувствую, - рассказывал Володя, - вот-вот цыгане бросятся меня обнимать. Но тут из кресла поднимается Вознесенский, пересекает по диагонали комнату, подходит ко мне. Я встал, гитару отложил. Он хлопает меня по плечу и, чтобы все слышали, говорит: "Старик, растешь"... И все.

Евтушенко мне говорил: "Ты знаешь, это же я устроил счастье Володе Высоцкому с Мариной Влади". При случае я спросил у Володи, так ли это? Он буквально позеленел от злости: "Да, уж этого я никогда не забуду.

Была какая-то вечеринка на квартире в Москве. Пою. Мне уже сказали, что здесь Марина и потом меня с ней познакомят. Евтушенко: "Мариночка, вот, как я тебе и обещал, певец сегодняшний. Простой русский парень Володя Высоцкий. Погляди на него - на сцене-то он гигант, а как посмотришь вблизи - такой маленький, плюгавенький". Я покрылся пятнами". Слава Богу, Марине Высоцкий сразу понравился. Она на него запала в тот же вечер.

- Как Высоцкий относился к вашему творчеству? Были на сей счет какие-то дискуссии, споры?

- Он не был большим знатоком живописи и музыки, поэтому я для него составлял специальные программы. Допустим, он вообще не знал атональной музыки, не знал Шемберга, Берга. В Союзе это все было запрещено. К живописи Володя не был равнодушен. Он влюбился в Хаима Сутина. Я для него подготовил специальные альбомы. Сутин, на мой взгляд, покруче Шагала, Парижская школа. Сегодня его картины стоят миллионы. Он умер молодым. Громадная фигура.

- В те годы у вас была стойкая репутация кутилы и скандалиста. Сейчас не жалеете: столько времени потрачено впустую?

- Нет, не жалею. И у Володи, и у меня было много поводов выпить. У Володи больше, его со всех сторон тащили за стол, каждый хотел с ним отметить за стаканом. Я хватался за бутылку из-за чудовищных перегрузок в работе. Пил по старинке, то есть заваливался к цыганам в знаменитый кабак "Царевич", а там закон "с Дона выдачи нет", поэтому никто меня не мог найти. Я умудрялся кутить и одновременно уговаривал цыган записывать их песни. Сделал знаменитую пластинку Алеши Дмитриевича и Володи Полякова. Я понял, что это должно остаться для России, и первым стал создавать эти пластинки.

- Но вы в отличие от Высоцкого смогли "завязать"...

- Я в какой-то момент остро осознал, что терзаю не только себя, но и окружающих. Сару, например. Причиняю им боль. Меня это ужаснуло. Столько горя принес своим близким. И все! Бросил сам, без всяких врачей. По классификации психологов я был не алкоголик, а пьяница, то есть запойный. А шесть лет назад также завязал с курением. Раньше выкуривал в день до пяти пачек сигарет.

- В разговорах с Высоцким не поднималась тема его возможной эмиграции? Он мог в принципе уехать из России?

- У него перед глазами была судьба Галича. Он понимал прекрасно, что никуда уехать не может, потому что на Западе никому, кроме Марины, был не нужен.

- Как вы думаете, вписался бы Высоцкий в реалии нашей сегодняшней жизни?

- Я думаю, его бы прихлопнули, потому что он все равно оставался бы самим собой. Сегодняшнее общество намного страшнее того, которое было тогда. Теперь отношения выясняются просто: человек негоден - и его нет.

Зачем художнику сапоги

- Как я понял, вы с малых лет живете в мире тех образов, которые (по мнению большинства других людей) имеют мало общего с реальностью. Сначала это было причиной многих неприятностей: вас исключали из художественных школ, принудительно лечили в психушке, закрывали ваши выставки. Потом это же сделало вас известным, принесло славу, деньги, почитание. Можете ли вы мне объяснить, что стало толчком, внутренней потребностью именно так своеобразно видеть и отображать мир?

- Во-первых, для того, чтобы говорить о моем творчестве, вы должны его хорошо знать.

- Я говорю о том, что вы называете метафизическим синтетизмом.

- Что ж там уродливого?

- Там все не совпадает с реальностью. Люди какие-то с клювами...

- Вы как раз говорите о театральном сериале. Метафизические - это совсем другое. Вы хотя бы двухтомник мой видели?

- Нет, конечно, ведь я не специалист, сразу в этом признался.

- Ну, хорошо, попробую объяснить. Допустим, мы с вами приходим в химическую лабораторию. Видим бумаги, на которых изображены сложнейшие формулы. В колбах что-то булькает, дымится. Мы же не говорим: ребята, я в этом ни фига не понимаю, но, по-моему, вы занимаетесь ерундой. А ведь искусство - вещь не менее сложная, чем химия или высшая математика. Мы часто оперируем такими понятиями, которые относятся, скажем, к метафизике, к определенным религиозным символам, к элементам сюрреализма и прочее.

Художественный процесс до сих пор считается самым таинственным, самым неразгаданным. Вас же не удивляет, что когда мы, допустим, слушаем марш "Прощание славянки", у вас и у меня бегут мурашки по телу. У нас возникают какие-то сложные ассоциации: мы потеряли когда-то великую Родину, но при этом надеемся, что она восстанет, возродится. У каждого человека этот марш будит какие-то эмоции. Но ведь мы же слушаем абсолютно абстрактную вещь. Летают некие звуки, их не поймашь в ладони, ничего... То же самое бывает и в живописи. Взять работы Кандинского. Там набор каких-то сложных цветовых пятен, а воздействие на душу они оказывают очень большое и сильное.

Я считаю, трагедия состоит в том, что во всем мире, не только у нас, отсутствует нужное художественное образование. К чему мы привыкли? Нарисовал похоже, значит, хорошо.

Сегодня по контракту с министерством культуры я занимаюсь с преподавателями живописи и ваяния из разных регионов России. Сначала я даю им вопросник. И выясняется, что эти ребята, как правило, белые листы бумаги. Они безграмотны. Не знают ни историю искусства, ни литературу. Через три месяца занятий они уезжают совсем другими людьми.

Мало того, я для них создаю специальную литературную программу, потому что вы не можете сегодня не знать, что существовали Бодлер, Рембо, Верлен. Настоящий серьезный художник обязан глубоко разбираться в литературе, поэзии, музыке. Человек должен быть всесторонне образован, только тогда он в состоянии создать что-то стоящее.

- А как с годами происходила ваша творческая и человеческая эволюция? Что-то серьезно изменилось в вас, в вашем подходе к профессии, к жизни?

- Чем я становлюсь старше, тем больше я понимаю и больше принимаю. Не то, чтобы ты делаешься терпимее, но начинаешь понимать, что вокруг нет неинтересного. То есть мне интересно все. Вот несколько лет назад я встретился с Назарбаевым. И когда мы у него в Астане гуляли по саду, он сказал: "Слушай, вот чем старше я становлюсь, тем больше мне хочется знать. Почему так?". Я ответил, что у меня то же самое.

- Михаил, кто из великих живописцев прошлого остается для вас авторитетом?

- На всю жизнь авторитетом для меня остались Питер Брейгель, Босх. Сейчас я назвал гигантов, которые умели и рисовать, и создавать миры. А если говорить о чистых живописцах, то это Паоло Веронезе, Веласкес и Поль Сезанн. Прекрасный живописец и очень интересный мыслитель Олег Целков однажды сказал мне: "Если художник в своей жизни создал хотя бы одно замечательное полотно или замечательный рисунок, он уже достоин того, чтобы остаться в истории искусств".

- И еще традиционный вопрос: над чем сейчас работает художник Шемякин и какие проекты в планах?

- Словами моего любимого и незаслуженно забытого гения Маяковского скажу: "Планов громадье!". Сейчас я готовлю новую постановку балета по контракту с Самарским театром, возможно, это будет "Крошка Цахес" по Гофману. Я сам должен буду написать либретто, и вместе с хореографом мы будем подбирать музыку. Вторая работа - с Вильнюсским театром, я сейчас пишу для него либретто балета, это будет уличная мистерия "Дети - жертвы пороков взрослых".

Один из самых больших проектов, над которым я работаю уже одиннадцать лет, это выставка "Тротуары Парижа", которая должна открыться в октябре следующего года в Русском музее. На ней будут представлены работы в абсолютно новой художественной форме, ее можно назвать "фотографией". Прорисованная фотография. Природа сама подсказывает мощные формы и ритмы! И когда ты в нее проникаешь, то возникают какие-то новые образы. В этой технике еще никто и никогда не работал.

- Возможно, я ошибаюсь, но создается впечатление, что вы всегда были и остаетесь сейчас одиночкой. Не примыкали ни к каким течениям, группировкам, не подписывали писем, не состояли в союзах, движениях, партиях... И часто совершали поступки, которые многих ставили в тупик. Лично

мне это по душе. Ходить строем и подлаживаться под власть - самоубийственно для художника, так?

- Меня всегда раздражали запахи коммунальной квартиры. Между тем многие наши эмигранты привезли эти ароматы в Америку и с ними там жили. Я спрашивал их: зачем вы приехали? На Брайтон-Бич вы создали тот же мир, откуда бежали. Маленькая Одесса в Нью-Йорке. Со всеми чисто русскими реалиями, в том числе - доносами, руганью, склоками, завистью. Меня всегда это поражало. Ну, раз вам так нравится, то и варитесь в этом коммунальном бульоне, только без меня.

Я уехал, потому что не мог и не хотел ни перед кем прогибаться. А как без этого в Советском Союзе? Или в сегодняшней России? Я не вступал в Союз художников. Моя официальная карьера была такой: начал младшим разнорабочим в Эрмитаже, а закончил старшим разнорабочим там же. Для меня главное - это ощущение внутренней свободы. Я и до 71-го года, то есть до отъезда в Париж, был эмигрантом.

- Отчего вы избрали такой полувоенный имидж: сапоги, френч, фуражка? Это выглядит, как расчетливое желание эпатировать окружающих.

- Разве? Я всегда сильно удивляюсь тем журналистам, которые, приехав ко мне во Францию, спрашивают: "А вы, что, и здесь в сапогах ходите? Они думают, что этот наряд я надеваю только в заграничных поездках. Сапоги? Я двадцать лет живу в сельской местности - сначала под Нью-Йорком, теперь во Франции. Там лес, луга, ручьи. Олени, лисы, гадюки. Сапоги для прогулок по таким местам - лучшая обувь.

Досье

Художник, график и скульптор М. М. Шемякин родился 4 мая 1943 г. в семье военного и актрисы. Его отец происходил из черкесского (кабардинского) рода Кардановых. Он рано осиротел и фамилию Шемякин получил от своего отчима.

С юных лет Михаил подвергался гонениям: его исключили из художественной школы, подвергали принудительному лечению в психиатрической клинике, выставки запрещались. В 1971 г. выслан из СССР. Сначала жил в Париже, затем, с 1981 г. в США. В 2007 г. вновь вернулся во Францию. Дважды женат.

Лауреат Государственной премии РФ (1993 г.), Президентской премии (1997 г.). Автор монументальных скульптурных работ (Нью-Йорк, Венеция, СПб, Москва, Самара). Автор либретто и сценографии к ряду театральных постановок. Создал цикл телепередач об искусстве на канале "Культура". Участник многих выставок.

Автор: Владимир Снегирев © Российская газета КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 4826 11.09.2011, 12:11 ↗ 374

URL: <https://babr24.com/?ADE=97256> Bytes: 22356 / 22127 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Владимир Снегирев.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)